

✦ В порядке дискуссии

Ю.В. ПОПКОВ, Е.А. ТЮГАШЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ ПРЕДМЕТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ. О ПРЕДМЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ (К ПРОДОЛЖЕНИЮ ДИСКУССИИ)

В статье анализируются важные методологические проблемы, поднятые во время проходившей на страницах журнала «Личность. Культура. Общество» дискуссии о предмете социальной философии. Обоснована необходимость духовно-практического измерения предмета социальной философии, который предлагается интерпретировать как предмет социально-философской деятельности в единстве социально-философского познания и социально-философской практики. Показано, что субъект социально-философской рефлексии первоначально выделяет предмет в общественной практике, а затем конструирует его абстрактные модели в социально-философском познании.

Важным направлением деятельности журнала «Личность. Культура. Общество» является организация дискуссий по актуальным проблемам современного общественного сознания. В 2002–2004 гг. в нем опубликованы материалы полемики на тему «Современная социальная философия: предмет и пути развития». Два года спустя в рубрике «Письма в редакцию» журнал разместил впечатления о состоявшейся дискуссии заинтересованных студентов философского факультета МГУ. В 2007 г. обсуждение обозначенной проблемы продолжено журналом в рамках полемики «Социальная философия в системе гуманитарного образования», инициированной в связи с выходом учебника К.С. Пигрова «Социальная философия». Фактически это был второй виток заочной дискуссии 2002–2004 гг., благодаря чему ее участники получили возможность ответить оппонентам.

Попков Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, заместитель директора по науке Института философии и права СО РАН (Новосибирск);

Тюгашев Евгений Александрович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института ФСБ России (Новосибирск).

К сожалению, итоги состоявшихся обсуждений не подводились, хотя, как представляется, потребность в этом существует. Актуальным является, в частности, анализ тех методологических и теоретических затруднений, с которыми сегодня сталкиваются социальные философы в процессе осмысления фундаментальных проблем данной дисциплины, в том числе касающихся ее предметной определенности. Обсуждению этих проблем, а также обоснованию своего собственного представления о предмете социальной философии посвящена настоящая статья. Поскольку в дискуссии приняли участие многие известные социальные философы, тексты их выступлений позволяют составить достаточно полное представление о существующих подходах и проблемах.

Вначале сформулируем несколько вопросов, которые невольно возникают при знакомстве с материалами дискуссии. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что ее тема может вообще вызвать сомнения в своей актуальности. Зачем обсуждать проблему предмета социальной философии, когда, скажем, в англо-американской социальной философии она практически не поднимается? Не достаточно ли ограничиться рутинными, банальными определениями предмета социальной философии, подобно тому, как определяются предметы онтологии и аксиологии, философии науки, религии, культуры, истории и т.п.? Можно ли рассчитывать на какой-либо серьезный результат при обсуждении проблемы предмета социальной философии в условиях установившегося в России философского плюрализма? Что все-таки тревожит социальных философов, согласившихся принять участие в дискуссии? И развеялись ли эти тревоги?

Открывая дискуссии, Ю.М. Резник сформулировал серьезную беспокоящую его проблему: «безграничный плюрализм» [17, 50], а вопрос о предмете социальной философии предложил обсудить в контексте соотношения ее с другими философскими и социально-гуманитарными дисциплинами и с учетом множественности направлений развития социально-философской мысли [17, 50-51].

Практически все участники дискуссии (а также оценивавшие ее итоги студенты) признали наличие проблемы плюрализма социальной философии, а разрешение ее видели в «синтезе альтернатив», достижении минимального консенсуса. Казалось бы, на этом пути лежит достойный выход из ситуации, но возникает вопрос: зачем социальным философам России консенсус? Ведь они обходились без него, например, до Октябрьской революции 1917 г. Потребности в консенсусе, особенно по отношению к пониманию предмета дисциплины, не испытывают социальные философы за рубежом. Не является ли призыв к объединению и единству выражением институциональной слабости социальной философии? Реплики участников дискуссии подтверждают наличие такого мнения.

Многие авторы в ходе состоявшегося обсуждения обращали внимание на понижение статуса социальной философии в России. Так, С.Э. Крапивенский отметил, что идет «оплакивание» социальной философии [10, 78]. К.С. Пигров сожалел, что социальная философия сошла с «царственного пути исторического материализма» и оказалась на «тропинке философских проблем социологии» [13, 65]. П.К. Гречко сравнил социальную философию с шагреневой кожей, съезжающейся по мере развития обществознания [4, 88]. В.Н. Шевченко предлагал «придать социальной философии новый статус, найти для нее более весомое и значимое положение в обществе и научной мысли» [21, 47]. Только Н.С. Розов, не драматизируя ситуацию, при-

звал социальных философов к умеренности и ограничению дисциплинарных притязаний [15, 79].

Итак, если говорить об оценке тенденций развития социальной философии, то действующий в последние десятилетия тренд в целом определяется как ее упадок, регресс, выражающийся в уменьшении общественного влияния и социальной значимости. Предмет социальной философии представляется перманентно ограничиваемым из-за перехвата традиционной ее проблематики, с одной стороны, специальными философскими дисциплинами (философией истории, философией культуры, философией политики и т.п.), с другой – социологией, политологией, культурологией и т.п. Не исключено поэтому, что предметное самоопределение социальной философии необходимо, прежде всего, для консолидации социально-философского сообщества, упрочения его социального положения, которое представляется незавидным.

В релевантности этих оценок, «маргинализирующих» положение социальной философии, усомнилась К. Муратова. Она обратила внимание на два обстоятельства: во-первых, развитие конкретных наук постоянно генерирует проблематику, требующую философской рефлексии (так, успехи истории не упразднили философию истории); во-вторых, развитие науки не определяется «передачами» освоенных философией проблем, как, в свою очередь, содержание философствования не определяется по «остаточному» принципу, т.е. как то, чем еще не занимается наука [6, 374]. Эти аргументы представляются разумными и не дают оснований ожидать «смерти» ни философии вообще, ни социальной философии в частности.

Заметим, что в западном мире судьба социальной философии не вызывает особого беспокойства. Сама она имеет давнюю предысторию, но относительно недавнюю историю. Если философия истории как самостоятельная дисциплина выделилась в комплексе философских наук в конце XVIII – начале XIX вв., то социальная философия дисциплинарно самоопределилась к концу XIX в., уже после того, как социология в своем развитии добилась значительных успехов. Институционализация социальной философии выразилась в преподавании учебных курсов, издании учебников и профильных журналов, в регулярном проведении международных конференций и самоорганизации соответствующих специалистов в объединениях, подобных Северо-Американскому обществу за социальную философию. В этот период предназначением социальной философии считается анализ методологических проблем гуманитарных наук, а также исследование вопросов социального поведения индивидов [23, 1964]. Сегодня в мире социальная философия не сводится лишь к «высокой теории», но стремится быть «usefull knowledge» для «men in the street», т.е. популярной и конкретно-прикладной, анализировать животрепещущие вопросы изменчивой повседневной жизни.

Что же тревожит социальных философов России? Нельзя же всерьез принимать слова К.С. Пигрова о том, что в связи с возникновением социологии социальная философия потеряла право на существование [19, 102]. Социология сформировалась как самостоятельная дисциплина раньше социальной философии и по темпам своего развития всегда опережала социальную философию, но не ограничивала существование последней. Социальная ситуация также не препятствует постановке социально-философских проблем. Так, по мнению В.Н. Шевченко, провал радикальных реформ дискредитировал либерально-позитивистскую социальную философию и актуализировал вопрос о путях дальнейшего общественного развития и судьбе России.

Бесспорно, у социальной философии в научно-философском сообществе имеется «экологическая ниша», но ее емкость ограничена. Экспансия за пределы этой ниши естественно вызывает «идиосинкразию», раздражение социальной среды. Одним из способов снятия накопившегося раздражения, по-видимому, может служить «распochкование» социальной философии, интенсивное развитие «защитного пояса» в виде таких специальных социально-философских дисциплин «среднего уровня» как философия науки, религии, искусства, культуры, истории, права, политики, хозяйства, труда и т.п. Это не только буферные отрасли, опосредующие взаимодействие социальной философии с социальной средой, но и ферменты, включающиеся в социальные процессы и предотвращающие в будущем «ферментопатию» как конечный источник «идиосинкразии» по отношению к социальной философии.

Таким образом, социальная философия должна знать свое место, и предметное самоопределение выполняет функцию территориализации философии. П.К. Гречко предметное самоопределение социальной философии называет установкой «пограничных столбов» и «огораживанием», которые мотивированы потребностями финансового обеспечения профильных кафедр высших учебных заведений и секторов академических институтов. Правда, считая это чисто внешней стороной дела, он убежден, что «внутренняя и главная сторона в другом – в определении природы той предметной реальности, которой должна заниматься социальная философия» [4, 89].

Как известно, вопрос о том, что считать реальным/ирреальным – это вопрос философский. И в зависимости от того или иного решения формируются различные направления (течения, учения, школы) в философии и социальной философии. Практически все участники дискуссии признали наличие «безграничного плюрализма» в отечественной социальной философии. Среди ее основных направлений упоминались традиции позитивизма, философии всеединства, евразийства, исторического материализма, Франкфуртской школы, феноменологии и постмодернизма. Относительно недавно проявившийся в российском обществе социально-философский плюрализм породил проблему определения предмета социальной философии в категориях, адекватных соответствующей философской традиции. Каждое философское учение, оперируя оригинальными категориями и понятиями, способно включиться в обсуждение общественных проблем. Главное, чтобы выдвинутая философская позиция последовательно реализовалась в понимании общества. Естественно было ожидать, что участники дискуссии позиционируют себя в историко-философском поле, идентифицируя с определенной классической философской традицией.

Первым вызов бросил патриарх отечественной социальной философии В.Ж. Келле: «Но если говорить серьезно, вопрос об отношении к нашему наследию в области социальной философии до сих пор четко и объективно, без давления идеологических императивов, не проработан. Иногда фактически излагают философию марксизма, не называя источника или даже прилюдно ее отвергая... Каждый имеет право определяться со своей позицией, но должна быть *позиция*, с которой можно оценивать и другие концепции. И каждый имеет право вырабатывать к ней свое отношение» [7, 53-54]. Далее он положительно оценил концептуальный потенциал марксистского учения об общественно-экономических формациях.

Вызов, можно сказать, не был принят. С.Э. Крапивенский, например, перво-степенной задачей отечественной социальной философии также счел определение своего отношения к марксизму, но себя идентифицировал как сторонника «социо-

культурной парадигмы» [10, 74]. Данную парадигму едва ли можно считать «позицией», концептуально сопоставимой с известными социально-философскими направлениями. В целом следует констатировать, что участники дискуссии деликатно обошли вопрос о «партийной» (в философском смысле) принадлежности и ограничились оценкой конкретных положений, высказанных коллегами.

Более основательно вопрос о философской идентичности обсуждался в дискуссии 2007 г. применительно к «социальной философии К.С. Пигрова». Итоги дебатов подвел в заключительном слове он сам: «По поводу “эклектики”. Я полагаю, что бывают также эпохи, когда следует иметь мужество, чтобы быть эклектичным. Это меньшее зло, чем броситься в объятия, пусть и цельной концепции, но которая говорит с нами языком той эпохи, которая уже ушла» [19, 147]. Примечательно, что до обсуждения К.С. Пигров позиционировал себя как феноменолога.

Эклектизм – сегодня наиболее распространенная философская позиция в России. Характеризуя взгляды российских философов, В. Россман в одном из интервью подчеркнул: «Новая философская идентичность складывается долго и болезненно, и не всегда из самых лучших материалов – из осколков диамата, не самых доброкачественных переводов, не самых свежих источников, недодуманных или недопонятых мыслей, скорее по законам бриколажа, чем по какому-то инженерному плану. Но так и должны идти все действительно живые процессы, которые предохраняют культуру от стерильности» [16, 114]. Его поддержал Я. Шрамко: «Лично я, тоже не претендуя на “истину в последней инстанции”, мог бы согласиться с Вашим замечанием о принципиальной эклектичности воззрений многих отечественных философов, которая – Вы правы – часто носит совершенно “невозможный” характер и даже не осознается» [16, 114].

На наш взгляд, беда не в эклектизме как таковом, поскольку эклектика, как доказывал еще М.К. Петров, является вполне плодотворным методом формирования философского учения путем конфигурации концептуальных предпосылок, заимствуемых их различных источников. Распространенная проблема состоит в разумно осторожном избегании философской самоидентификации. В свою очередь сдержанность рефлексии не позволяет определиться с наиболее существенным исходным объяснительным принципом в понимании общества, что делает невозможным последовательное развертывание системы взглядов на актуальные проблемы общественного развития с точки зрения избранной методологической позиции.

По оценке К.С. Пигрова, в настоящее время «социальная философия по существу представляет собой ансамбль различных моделей социального» [14, 100]. Марксизм он рассматривает как одну из модификаций деятельностной модели социального. В современной российской философии К.С. Пигров фиксирует тенденцию движения от деятельностной модели социальной реальности к натуралистической модели (см., например: [2]).

Важнейшей методологической проблемой определения предмета социальной философии является соответствие этого определения основным положениям философского учения (направления), притязающего на исследование общества. Не существует абстрактно-всеобщей социальной философии. Она эмпирически конкретна, и ее содержание конституируется тем или иным философствующим субъектом. Если внимательно присмотреться, то предложенные в дискуссии трактовки предмета социальной философии являются сугубо авторскими: «общество как целое»

(П.К. Гречко), «человек и общество» (В.С. Барулин), «социальные системы» (М.С. Каган), «общественное бытие» (В.Н. Шевченко), «всеобщее, познаваемое через социум» (К.С. Пигров), «социальность как совместность» (С.Е. Ячин), «наиболее общие и абстрактные вопросы о существовании и взаимодействии людей» (Н.С. Розов). На первый взгляд, перечисленные формулировки различаются только акцентами, но не исключают друг друга. При соответствующей интерпретации все они могли бы быть совмещены в одной концепции. Вместе с тем для авторов значимы как раз акценты, выражающие ценностную значимость именно такой фиксации предмета. Для одного автора важно указать на «человека», для другого — на «вопросы», для третьего — на «бытие» или «всеобщее». Налицо субъектная (в данном случае — авторская) определенность выделения предмета социальной философии.

И это не удивительно. В гносеологическом плане предмет определяется в соотношении с объектом путем указания на те его свойства и признаки, которые рассматриваются как главные, наиболее существенные с точки зрения познающего. Предмет, таким образом, дан интенционально. Субъект исследования со своей точки зрения выделяет предмет как наиболее значимое в объекте.

Относительное противопоставление объекта и предмета опосредовано, следовательно, отношением субъекта. Что является предметом в объекте, решает познающий субъект. При общей детерминации объектом возможного содержания предмета субъект определяет то конкретное содержание, которое признает существенным в своей деятельности. В этом смысле предмет отличен от объекта, но в некотором смысле тождественен субъекту познания как его проекция в объекте. Поэтому предмет познания — это его субъект как он дан и представлен в объекте.

По умолчанию объектом социальной философии, в большинстве случаев, считается общество. В обществе как объекте выделяются «социальность», «социальные системы», «общественное бытие», «совместное бытие» и тому подобные феномены, значимые с точки зрения конкретного автора. Выбор общества как объекта философии кажется естественным, объяснимым хотя бы самоназванием социальной философии как общественной философии, т.е. философии общества. Вместе с тем, как обратил внимание В.Н. Шевченко, термин «общественная философия» в отечественной традиции не прижился [21, 62]. Не прижился и термин «философия общества» (в отличие от философии истории, науки, культуры и пр.).

Возможно, это терминологическая случайность. Но также возможно, что эта случайность есть проявление лежащей в ее основе необходимости. Случайно ли В.С. Барулин определяет предмет социальной философии как общество и человека в их единстве (и, добавим, раздельности)? С определенной точки зрения возможно определение предмета социальной философии как общества и природы в их единстве. Объяснимыми в этой связи представляются предложения о разработке не только социально-философской антропологии, но и социальной философии природы. Также органичной для социальной философии кажется трактовка бытия как общественного по своей сути. Логичной является постановка задачи «познания всеобщего через социум». При существующем в социальной философии плюрализме мнений локализация ее объекта исключительно как общества является проблематичной.

Отсюда тенденция интерпретировать всю философию как социальную философию. Участники дискуссии высказанный В.Г. Федотовой тезис о социальной сущности — и тем самым социальности — всей философии [20, 84] восприняли как трю-

изм. «Вообще говоря, любая, вся философия социальная – в том смысле, что создается и развивается она социальными субъектами и, что более важно, в социальном контексте, – заметил П.К. Гречко. – В случае же социальной философии появляется дополнительно еще одно измерение социальности – сущностная определенность самого предмета исследования» [4, 93].

Таким образом, в среде социальных философов преодолено созерцательное понимание философии как «*philosophia perennis*», всматривающейся в вечно сущие универсалии. Социальная философия понимается как философия, вплетенная в социальный процесс и преобразующая его, как форма рефлексии и регуляции деятельности социальных субъектов. Признание нормативной, прикладной функции социальной философии объединило, как отметил студент философского факультета МГУ К. Аршин, всех участников дискуссии [6, 369].

О практической включенности социальных философов в преобразование общества высказались многие. Вспоминалась тесная связь исторического материализма и практики социалистического строительства. Определяя социальную философию как самореферентную аналитику опыта совместного бытия, С.Е. Ячин латентным проектом социальной философии считает «превращение социального в совместное» [22, 73]. К.С. Пигров полагает, что философия «культивирует социальное, участвует в “усмирении” социальных стихий, в попытке подчинить их доброй воле» [13, 68]. Предмет социальной философии представляется ему единством стихий и попыток их культивировать.

Думается, о социальности всей философии в смысле принадлежности ее к социальной философии следует говорить крайне осторожно. Подчеркнем, что, когда речь идет о социальных субъектах, то имеется в виду, в частности, массовая поддержка, выделение ресурсов и обеспечение аудитории со стороны, например, государства. В таких условиях создавались и развивались социальными субъектами немногие философские учения. Другое дело, что, получив общественное признание, эти учения в основном и составили известную нам философскую традицию. Многие философы остались безвестными, по разным причинам не получив поддержки ведущих субъектов общественного развития.

Соответственно, наличный плюрализм социально-философских учений не представляет серьезной проблемы, так как разнообразие этих учений на порядок ниже разнообразия собственно философских учений. Далеко не в каждом философском учении (при его недостаточной концептуальной разработке) конституируется область социально-философских исследований. Еще меньшее количество социально-философских концепций получает достаточные ресурсы для пропаганды. Наиболее популяризованное усилиями государства, системы образования и средствами массовой информации социально-философское учение становится привычным при обсуждении общественных проблем в массовом сознании, чем обеспечивается в дальнейшем минимум взаимопонимания («коммуникативный консенсус») между социальными философами.

Мысль о том, что философия создается и развивается социальными субъектами, в свое время высказывал А. Грамши. С его точки зрения, философия философов – это цепь вершин в развитии массового философского сознания. Полагая, что все люди – стихийные философы, роль профессиональных философов он видел в систематизации философского опыта масс [3, 25]. Пропаганда учений философов, на его взгляд,

трансформирует философское сознание масс и на этой основе – практику социальных субъектов. Освоенная философия получает общественное признание, массовое распространение и становится фактом историко-философского процесса, объектом полемики в идеологической борьбе и последующего переосмысления.

Укорененность философии в массовом философском сознании определяет то обстоятельство, что философия начинается с обсуждения животрепещущих вопросов повседневности, вопросов наиболее общих для некоторого круга общения, вопросов, абстрагированных из непосредственных взаимодействий составляющих этот круг общения людей. Классическим примером является философская деятельность Сократа.

Важно, что многообразные вопросы философии первоначально возникают в повседневной жизни, в практике социальных субъектов. Эти же субъекты делегируют функцию специализированной философской рефлексии своим представителям, выделяя последним необходимые ресурсы для осуществления философской деятельности. Философская интеллигенция в этом отношении в конечном счете не дистанцирована от социальных субъектов, а через проблематику и социальный заказ на решение поставленных задач включена в систему взаимодействий конкретного социального субъекта.

О социальной ангажированности современной западной философии пишет, например, В.И. Россман: «В Европе философия всегда пахла порохом и революцией, культивируя социальное недовольство... В аналитической традиции философия обезврежена» [16, 113]. Он также отмечает, что в среде противников континентальной философии распространено убеждение, что она является завуалированным марксизмом из-за ее насыщенности критикой капитализма. Аналитическая философия, по его мнению, избегает обсуждения социальных вопросов. Разумеется, эти вопросы не остаются без внимания философов, но они обсуждаются в большей мере с позиций прагматизма, ориентированного на улучшение стабильно функционирующего общества.

Иначе говоря, философствуют не столько профессиональные философы, сколько социальные субъекты как носители массовой и специализированной философской рефлексии. В лице своих выдающихся философских деятелей социальные субъекты находят приемлемые ответы на возникшие вопросы и реорганизуют свою общественную практику.

Особо следует отметить введенное в ходе дискуссии В.Е. Кемеровым представление о социально-философской деятельности. Под ней он понимает не только социально-философское познание, но и «социально-философскую работу», требующую усилий деятельность по развитию социальности в соответствии с результатами, достигнутыми благодаря реализации нормативной функции [8, 74].

Хотя термин «социально-философская деятельность» непривычен, выражаемое им понятие может восприниматься как тривиальное, если эту деятельность отождествлять только с познавательной деятельностью социальных философов. Но как художественная деятельность включает в себя не только отражение мира, но и практическую созидательную деятельность по законам красоты (архитектура, дизайн и пр.), так и социальная философия не ограничивается «чистым» познанием, а выполняет нормативную функцию по разработке и реализации проектов общественного развития через государственную политику и массовые общественные движе-

ния. Поэтому социально-философская деятельность есть единство социально-философского познания и социально-философской практики. Последняя, как и социально-философское познание, имеет специализированную и массовую форму. Так, к массовой социально-философской практике (например, «строительство коммунизма») относится практическая деятельность социального субъекта, основанная на определенных социально-философских представлениях.

Представление о социально-философской деятельности позволяет обнаружить еще одно измерение проблемы определения предмета социальной философии. Предмет как существенное в объекте фиксируется в специализированном социально-философском познании в контексте общественно значимых вопросов, возникших в массовом философском сознании социального субъекта, столкнувшегося в своей практической деятельности с проблемами, требующими философской рефлексии. Главное, существенное в объекте первоначально выделяется, таким образом, в практике социального субъекта, а затем в социально-философском познании. Реализуя свою нормативную функцию, социальная философия оказывает содействие социальному субъекту в работе с предметом его деятельности.

Познавая нечто, социальная философия предлагает его изменить. И это «нечто», данное в практике и познании, является ее предметом. Предмет социальной философии оказывается данным не только теоретически, в отвлеченно-созерцательном отношении к действительности, но и в практически-действенном отношении к ней. Следовательно, предмет социальной философии должен определяться как предмет и социально-философского познания, и социально-философской практики, т.е. социально-философской деятельности в целом.

Концепт социально-философской деятельности открывает следующее измерение проблемы предмета социальной философии – проблему тождества предмета социально-философского познания и предмета социально-философской практики. Если социально-философская деятельность фиксируется в ипостаси познавательной деятельности, то осознается только проблема выделения предмета социально-философского познания. Этот предмет обычно и отождествляется с предметом социальной философии. Но последняя включает не только познавательную деятельность, но и практическую составляющую. Так возникает вопрос о предмете социально-философской практики и его совпадении с предметом социально-философского познания.

Критика «спекулятивной», оторванной от практики философии показывает, что совпадение наблюдается не всегда. Соответственно, для спекулятивной социальной философии не существует проблемы ее предмета: это вопрос интеллектуальной интуиции автора и ее систематической экспликации. С точки зрения социального субъекта, организующего систематическую социально-философскую рефлексия, возникает действительная проблема: что можно реально изменить, опираясь на социально-философское познание?

В горизонте социально-философской практики определение предмета социальной философии утрачивает элемент субъективной произвольности, допустимый при интуитивном – и относительно безразличном – выборе предмета социально-философского познания. Такое безразличие отметила студентка философского факультета МГУ Т. Амурова, указывая, что в ходе дискуссии предмет социальной философии определялся как общество, а именно: «социум», «общество как целое», « совме-

стное человеческое бытие», «социальные системы», «человек и общество в их единстве» [6, 370]. Действительно, перечисленные версии не исключают друг друга и различаются разве что степенью абстрактности. Но можно ли эти версии рассматривать как адекватно репрезентирующие предмет социально-философской практики?

Условно можно допустить возможность социально-философского познания «общества как целого», но признать возможность преобразования таким образом выделенного предмета на основе результатов его познания решится далеко не каждый социальный философ. А если определять предмет социальной философии как «всеобщее, предельные основания, изучаемые через социум» (К.С. Пигров), то возможность его преобразования представить вообще невысказуемо. Интерпретация предмета социальной философии как предмета социально-философской деятельности – единства социально-философского познания и социально-философской практики – требует ограничения предмета действительными пределами этой деятельности. В противном случае на социальных философов будет возложена социальная (и юридическая) ответственность за те изменения в «обществе в целом», хотя бы дискурсивная причастность к которым будет установлена.

Без совпадения, тождества предметов социально-философского познания и социально-философской практики невозможно проверить истинность полученного знания и оценить соответствие практических действий нормативно-прикладным представлениям. Не удивительно, что чрезмерный гносеологический энтузиазм специалистов по историческому материализму, «познавших» законы общества и предложивших меры по его развитию, обернулся разочарованием постсоветского времени и соответствующим снижением их социального статуса. Крах интеллектуальных амбиций исторического материализма негативно отразился на положении и других социальных философов в России.

Как же ограничить притязания социально-философского разума и определить предмет социальной философии? Социально-философская практика ограничена общественной практикой того социального субъекта, рефлексией опыта которого является соответствующее социально-философское познание. Социальный философ систематизирует и обобщает философский опыт массового социального субъекта. В результате продуктом его деятельности становится социально-философская «система», т.е. многоуровневое упорядоченное множество социально-философских взглядов, идей, категорий, понятий и т.п. элементов.

Философию часто описывали как деятельность по «строительству систем». Факт этой деятельности эмпирически констатировался, но оценивался, как правило, негативно, осуждался: «Сколько было уже построено систем и сколько их будет построено еще? Если бы можно было найти хоть одну, которая более или менее одинаково понималась бы всеми ее приверженцами! Но можно ли полагаться на системы, которые претерпевают тысячи изменений, проходя через тысячи рук; системы, которые, будучи игрой каприза, одним и тем же путем возникают и исчезают и которые так ненадежны, что часто их можно с одинаковым успехом употребить как для подтверждения, так и для опровержения какого-либо тезиса?» [9, 17-18]. В «системосозидании» отдельные системы – это и продукт, и материал, и средство философской деятельности: философ имеет дело с системами.

Инициированное Л. Берталанфи системное движение реабилитировало в глазах научного сообщества концепт системы. Системный подход стал реализовываться не

только в познавательной, но и в практической, прежде всего, инженерно-технической деятельности. Из-за традиционной системобоеи и эпизодических всплесков «антисистемных» движений философы (и особенно социальные философы) в настоящее время не склонны притязать на методичное применение системного подхода.

На наш взгляд, использование концепта системы применительно к описанию творчества философов нельзя считать дискредитировавшим себя. Сам Ж. Делез писал: «Я верю в философию как систему...» [18, 127]. И также замечал: когда «сегодня толкуют о крахе философских систем», можно предположить, что «просто изменился концепт системы» [5, 18].

Действительно, когда сегодня говорят о системах, то в них видят открытые, динамичные и противоречивые целостности, развивающиеся нелинейно, с бифуркациями и катастрофами. В социально-философской деятельности «система» есть не только феномен доктринального сознания, но и феномен социальной действительности. Популяризация «системы» систематизирует философское сознание масс, ведет к повышению сознательности и организованности социального субъекта, а в конечном счете — к выделению социальных подсистем и реструктуризации макросистем.

Важно подчеркнуть, что практика «системосозидания» ограничена потенциалом конкретного социального субъекта. Поэтому на основе познания «общества как социальной системы» едва ли удастся это общество трансформировать в систему нового типа. Ограниченность социально-философской деятельности горизонтом философского опыта социального субъекта и его ресурсными возможностями, позволяет рассчитывать только на систематизацию его деятельности, т.е. на формирование системности социального субъекта, находящейся в зоне его ближайшего развития.

Завершая разговор об уроках рассмотренной дискуссии о судьбах социальной философии в современной России, заметим, что концептуального прорыва в результате не произошло. Большинство изложенных точек зрения многие авторы формулировали еще в 1980-е гг. Вместе с тем, с концом эпохи исторического материализма во взглядах наших ведущих социальных философов отчетливо обозначилась ориентация на реализацию нормативно-прикладной функции социальной философии в повседневной и многообразной общественно-практической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барулин В.С. О соотношении социальной философии и социально-философской антропологии // *Личность. Культура. Общество*. 2002. Вып. 3–4.
2. Бобров В.В. О предмете социальной философии // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2006. № 1.
3. Грамши А. Тюремные тетради // *Грамши А. Тюремные тетради*: В 3 ч. Ч. 1. М., 1991.
4. Гречко П.К. Предмет социальной философии: опыт рефлексии // *Личность. Культура. Общество*. 2004. Вып. 1.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб., 1998.
6. Дискуссия о социальной философии глазами студентов философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // *Личность. Культура. Общество*. 2006. Вып. 2.
7. Келле В.Ж. К вопросу о перспективах социальной философии в России XXI века // *Личность. Культура. Общество*. 2002. Вып. 3–4.
8. Кемеров В.Е. Социальная философия в современном мире // *Личность. Культура. Общество*. 2002. Вып. 3–4.
9. Кондильяк Э. Трактат о системах // *Кондильяк Э. Сочинения*: В 3 т. М., 1982. Т. 2.
10. Крапивенский С.Э. Социальная философия: статус и перспективы // *Личность. Культура. Общество*. 2004. Вып. 1.
11. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* Т. 18.
12. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М., 1988.

13. *Пигров К.С.* Еще раз о предмете социальной философии // *Личность. Культура. Общество.* 2003. Вып. 1-2.
14. *Пигров К.С.* Социальная философия: Учебник. СПб., 2005.
15. *Розов Н.С.* Социальная философия и социально-исторические науки: линии демаркации и точки роста // *Личность. Культура. Общество.* 2003. Вып. 1-2.
16. *Росман В.* О философии континентальной и аналитической и об интеллектуальной многоукладности // *Вопросы философии.* 2002. № 11.
17. Современная социальная философия: предмет и пути развития (материалы заочного обсуждения) // *Личность. Культура. Общество.* 2002. Вып. 3-4.
18. *Соколова Л.Ю.* Философия сознания и новая трансцендентальная философия (Ж. Делез) // Проблема интеграции философских культур в свете компаративистского подхода. СПб., 1996.
19. Социальная философия в системе гуманитарного образования (материалы дискуссии в связи с выходом учебника К.С. Пигрова «Социальная философия») // *Личность. Культура. Общество.* 2007. Вып. 1.
20. *Федотова В.Г.* Социальная философия // *Личность. Культура. Общество.* 2004. Вып. 1.
21. *Шевченко В.Н.* Социальная философия: в продолжение дискуссии о предмете и проблемном поле // *Личность. Культура. Общество.* 2004. Вып. 1.
22. *Ячин С.Е.* Социальная философия как саморефлексивная аналитика опыта совместного бытия // *Личность. Культура. Общество.* 2003. Вып. 1-2.
23. Social Philosophy // *Encyclopedia Britannica.* Ch., L., 1964. V. 20.